

ДИСКУССИЯ

**ГЛОБАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ* ****

© 2017 г. Т.А. Нестик*

*Доктор психологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская дом 13, корп. 1; e-mail: nestik@gmail.com

Поступила в редакцию 15 ноября 2017 г.

Аннотация. В статье анализируются предпосылки и механизмы формирования глобальной идентичности – отождествления личностью себя с человечеством. Рассмотрены подходы к изучению глобальной идентичности. Описаны компоненты и основные компетенции глобального мировоззрения, а также личностные характеристики, ассоциированные с ним. Приводятся результаты эмпирических исследований глобальной идентификации, проведенных среди россиян (студентов психологических факультетов московских вузов, N=454; руководителей IT-компаний, N=606; участников форт-флота в 2017 г. из различных регионов России, N=560). Показано, что детерминантами глобальной идентичности личности являются интенсивность международных контактов, гражданская и религиозная идентификация, озабоченность глобальными рисками, уровень социального доверия, характеристики временной перспективы, убеждение личности в способности влиять на свое будущее. Также выявлена связь глобальной идентичности с позитивной этнической идентичностью, тогда как связи с этнонигилизмом и этноиндифферентностью отсутствуют. Сделано предположение, что глобальная идентификация может выполнять функцию

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 15-06-10082.

** Позиция автора может не совпадать с мнением редакционной коллегии журнала.

Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование

Т.А. Нестик

компенсаторного механизма, защищающего позитивную идентичность личности при негативной оценке собственного прошлого и неверии в возможность повлиять на происходящее в стране. Отмечено, что чувство патриотизма и глобальная идентичность при определенных обстоятельствах могут быть использованы для манипуляции сознанием при ведении информационных войн. Предложены основания для выделения типов глобальной идентичности. Намечены перспективные направления дальнейших исследований, в том числе необходимость уточнения аффективного, когнитивного и поведенческого компонентов глобальной идентичности, изучения связи глобальной идентификации и предпочитаемых способов реагирования на глобальные риски, также открытым оставлен вопрос о целенаправленном формировании глобальной идентичности.

Ключевые слова: глобальная идентичность, глобализация, мировое гражданство, космополитизм, глобальные риски, глобальный активизм, интернет-сообщества, гражданская идентичность, патриотизм, базовые убеждения, временная перспектива, социальное доверие.

В условиях неопределенности осознание происходящих в мире технологических, экономических, социально-политических и экологических изменений требует сегодня от личности способности к отождествлению себя не только со своей семьей, профессиональным сообществом, этническими группами, регионом и страной, но и с общностью более высокого порядка – человечеством в целом. В эпоху растущих глобальных финансовых, экологических и ядерных рисков глобальная идентификация становится своего рода императивом, от которого зависит выживание человеческого рода.

Связанные с глобальными рисками коллективные страхи используются в избирательных кампаниях и информационных войнах (от изменения климата и экстремальных погодных явлений до кибератак, терроризма и ядерной угрозы). Для обеспечения поддержки взвешенного, долгосрочно ориентированного решения глобальных проблем необходимо такое соотношение глобальной и национальной идентичностей, которое делало бы личность устойчивой по отношению к попыткам манипуляции массовым сознанием. Иными словами, глобальная идентичность и патриотизм должны усиливать, а не ослаблять друг

друга. Речь идет о формировании двойной идентичности, когда личность сохраняет принадлежность и к своей социальной группе и к обществу в целом. С точки зрения теории самокатегоризации, актуализация альтернативных идентичностей (неэтнических или неполитических) – гражданских, профессиональных, глобальных и т.п. – не только позволяет снизить межгрупповую напряженность (Gaertner, Dovidio, 2000), но и облегчает постановку суперординантных целей, связанных с предотвращением глобальных рисков.

Переживание глобальных угроз и осознание схожести реакции на эти угрозы у жителей других государств ускоряет формирование воображаемых глобальных сообществ (Бек, 2000; Beck, 2005; Tiryakian, Beck, 2011; Кузнецов, 2014; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; Ковалева, Журавлев, 2017а, 2017б). Целый ряд кросс-культурных исследований свидетельствуют о том, что субъективная значимость глобальных угроз, - таких как гонка ядерных вооружений, разрушение окружающей среды и глобальное изменение климата, – тесно связана с глобальной идентификацией и космополитическими ценностями (Der-Karabetian, 1992; Leung et al., 2015; Der-Karabetian, Michelle, 2015). Глобальная идентичность является одним из предикторов этически избирательного потребления товаров и природоохранного поведения (Grinstein, Riefler, 2015; Reese et al., 2013; Reese, Kohlmann, 2015; Der-Karabetian, Michelle, 2015). Несмотря на значимость феномена глобальной идентичности для понимания процессов глобализации и глокализации (Beck, 2006; Федотова, 2012), его эмпирическое изучение в социальной психологии пока представлено относительно небольшим числом работ.

Целью данной статьи является анализ предпосылок и механизмов формирования глобальной идентичности – отождествления личностью себя с человечеством. Вначале мы рассмотрим сложившиеся подходы к изучению глобальной идентичности. Во второй части работы будут приведены результаты

проведенных эмпирических исследований глобальной идентификации. В заключении будут намечены перспективные направления дальнейших исследований.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Отождествление личностью себя с человечеством рассматривается в социальной психологии как глобальная идентификация, мировое гражданство, космополитизм, глобальное мировоззрение.

Одни из первых исследователей *«глобального мировоззрения»* понимали его как ценностную ориентацию, выражающуюся в значимости для личности глобальных проблем, при которой основной группой членства выступает все человечество, а не принадлежность к отдельным этническим группам или государствам. При этом глобальное мировоззрение не предполагает ни информированности о международных отношениях, ни интереса к такого рода информации (Sampson, Smith, 1957).

Позднее глобальное мировоззрение как психологический феномен получил свою операционализацию в области организационной психологии в связи с деятельностью транснациональных корпораций и необходимостью целенаправленного формирования корпоративных и политических лидеров глобального уровня. Под глобальным мировоззрением понимается глобальная идентификация лидера, позволяющая ему видеть мир как целое, ценить различия, учитывать сложность глобальных процессов и отслеживать мировые тренды (Rhinesmith, 1992).

Выделяют различные компоненты такого мировоззрения. Так, выделяют три основных компетенции, входящие в глобальное мировоззрение лидеров: во-первых, это способность анализировать информацию о глобальном бизнесе, во-вторых, умение завязывать и развивать отношения с ключевыми заинтересованными сторонами по всему миру, в-третьих, способность

принимать решения с опорой на информацию о глобальных процессах (Bouquet, 2005).

Согласно другим исследователям, компонентами глобального мировоззрения являются такие личностные характеристики, как космополитизм и когнитивная сложность (Levy et al., 2007), культурная компетентность и глобальная ориентация, предполагающая позитивное отношение к глобализации и способность быстро адаптироваться к ней (Story et al., 2014).

Анкетирование, проведенное среди 17 000 руководителей, показало, что глобальное мировоззрение руководителей не связано с размером компании: руководители малого бизнеса и крупных корпораций могут иметь схожие показатели уровня глобального мировоззрения (Javidan, Bowen, 2015). Вместе с тем, была обнаружена его зависимость от индустрии и профессиональной деятельности. Так, наиболее высоким уровень глобального мировоззрения оказался среди руководителей в телекоммуникационной индустрии, тогда как наименее развит он в производственных компаниях. Более высокие его показатели отмечены в таких корпоративных функциональных направлениях, как внутренние и внешние коммуникации, финансы и маркетинг, значительно менее развит глобальный взгляд на вещи в административных отделах, IT-службах, а также в производственных подразделениях.

Большой интерес представляют результаты глубинных интервью, проведенных М. Чех и ее коллегами среди 24 лидеров глобального уровня (Cseh et al., 2013). Как оказалось, ключевую роль в формировании компетенций глобального лидерства играет саморефлексия и процессы коллективного анализа совместного опыта. Помимо рефлексивности авторы выделяют и другие личностные характеристики успешных глобальных лидеров: когнитивную гибкость, осознанность, любопытство, скромность (см. также: Нестик, Журавлев, 2012).

К феномену глобального мировоззрения близки *мировое гражданство* и *космополитизм*. *Мировое гражданство* определяется как способность видеть себя как часть мирового целого, допускать множественность лингвистических и культурных картин мира, понимать логику отношений господства, борьбы за власть и геополитическое влияние, заботиться о защите прав и благосостояния других людей (Dower, Williams, 2002; Stromquist, 2009). Безусловно, огромную роль в формировании мирового гражданства сыграли глобальные организации – такие как Мировой банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, ООН и ЮНЕСКО. Значительный вклад в распространение идей мирового гражданства и формирование глобальной идентичности вносят некоммерческие организации (He, 2004). Тем не менее, в отсутствии глобального правительства статус «гражданина мира» остается прежде всего психологическим феноменом. Он возникает через самоопределение личности, сознательный выбор международных норм и стремления действовать поверх границ и суверенитета отдельных государств. Благодаря коммуникационным технологиям, а также осознанию взаимозависимости стран перед лицом глобальных рисков растет масштаб социальных движений, участники которых придерживаются космополитических взглядов (Falk, 1994; Keck, Sikkink, 1998). Международные активисты – это социальная группа, являющаяся сегодня воплощением идеи мирового гражданства. В этом отношении мировое гражданство – глобальное воображаемое сообщество людей, разделяющих космополитические нормы и ценности. Развитие интернета и появление виртуальных социальных сетей подстегнуло формирование глобальных общественных движений, давая возможность людям с активной жизненной позицией быть услышанными и мгновенно объединять усилия. Примером такого глобального движения является Avaaz: созданное в 2007 г. группой активистов, к концу 2017 г. движение объединило 46 миллионов человек в 195 странах.

Перед лицом массовых угроз и в чрезвычайных ситуациях интернет-сообщества берут на себя роль цифровых волонтеров, выполняя целый ряд функций – информирования и координации, поиска решений, социальной и эмоциональной поддержки (Морозова, Мирошниченко, 2011). Как показывают социологические исследования, активизм характерен для наиболее образованных и высокостатусных категорий городской молодежи, его мотивами являются возможность защитить свои права и возможность общаться с людьми, разделяющими те же ценности и убеждения (Седова, 2014). По сравнению с остальными россиянами, объединенные в сообщества активисты характеризуются более позитивным образом будущего и более разнообразными жизненными планами.

Понятие *космополитизма*, зародившееся еще в эллинистическую эпоху, получало за свою историю различные интерпретации – от религиозной христианской, оккультной и натурфилософской до чисто политической (Фрейхоф, 2003). В последние 20 лет оно постепенно выводится из противопоставления патриотизму и освобождается от негативных оценок, традиционных для советского общества. Сегодня оно осмысливается уже не как подмена интернационализма, а как открытость другому культурному опыту, при которой глобальное и локальное рассматриваются как дополняющие друг друга принципы. В этом значении космополитизм является необходимым условием разрешения глобальных проблем и ответа человечества на угрозы XXI века (Beck, 2006).

Остается спорным вопрос о психологических индикаторах космополитизма. Космополитическая личность характеризуется принятием разнообразия, открытостью к новому, самокритичностью и ориентацией на будущее. По-видимому, следует различать космополитическую идентичность, то есть осознание себя гражданином мира и переживание чувства

принадлежности к человечеству в целом, и космополитическую ориентацию как принятие культурных различий, открытость к Другому (Pichler, 2009).

Факторами глобализации становятся растущие мобильность и сетевой характер общества (Urqu, 2002). Немаловажную роль играет глобализация образования. Начиная с 1980-х гг. космополитизм получает существенную поддержку благодаря усилиям американских университетов и крупных корпораций, формирующих у молодых специалистов ориентацию на глобальную конкуренцию (Mitchell, 2003; Mitchell, 2007; Fincher, 2011).

Существенную роль в формировании космополитических установок играет глобализация культуры потребления и соответствующие маркетинговые программы транснациональных компаний (Cannon, Yaprak, 2002; Cleveland et al., 2009; Zeugner-Roth et al., 2015). Потребители из разных стран стали рассматривать весь мир как единый рынок продуктов и услуг, на котором можно делать покупки и сравнивать предложения на основе глобальных стандартов. Формирование космополитической идентичности облегчается глобальным характером современных технологий, прежде всего, интернетом (Westjohn et al., 2009). Услугами крупнейшей социальной сети, Facebook 24 августа 2015 г. впервые за один день воспользовались более 1 миллиарда жителей земного шара.

Важным фактором формирования представлений о будущем является глобализация временной перспективы: благодаря системе образования, традиционным и электронным СМИ, жизненный мир человека расширился до пределов земного шара. По-видимому, существует глобальная память (Liu et al., 2005). Например, исследование воспоминаний о политических событиях, охватившее более 5 000 респондентов из 116 стран, свидетельствует о том, что глобальная память существует, причем представленность в коллективной памяти событий, произошедших за рубежом, не зависит от возраста опрошенных (Ellermann et al., 2007). Очевидно, предметом ожиданий и страхов могут быть процессы и события, носящие глобальный характер (например, изменение

климата, угроза ядерной войны). Тем не менее, такие ожидания и страхи формируются под влиянием социальной категоризации и социального сравнения: оценивая будущее других социальных групп, мы сравниваем его с будущим своей.

С одной стороны, выход человека в космос, развитие информационных технологий, повышение мобильности и рост числа мигрантов дали возможность гражданам различных государств лучше осознать ограниченность мировых ресурсов, взаимозависимость государств перед лицом глобальных проблем.

С другой стороны, национальные государства предпринимают собственные попытки формулирования глобалистской «повестки дня». Парадоксальным образом, космополитизм становится следствием защиты национально-ориентированных геополитических интересов. Постепенно приходит понимание того, что существует множество космополитических проектов, имеющих свою региональную и национальную специфику (Beck, 2009). Исследования в рамках проекта «Азиатский барометр» свидетельствуют об усилении региональной, транснациональной «азиатской» идентичности. Причем региональная идентификация тем сильнее, чем более выражены патриотические установки респондентов (Delanty, He, 2008). Заметим, что современные космополитические проекты могут быть совершенно противоположными по декларируемым ценностям европейской гуманистической традиции (примером может служить запрещенная в России террористическая организация «Исламское государство» с ее геополитическими амбициями).

Результаты исследований свидетельствуют о том, что вовлеченность в активную международную жизнь и поездки по миру не усиливают космополитические установки национальных элит, а глобальное мировоззрение не исключает локализма и патриотизма (Helbling, Teney, 2015). В формировании космополитических установок среди элиты ключевую роль играют не практики

потребления, а постматериалистическая система ценностей и политическая идеология непосредственного окружения.

По-видимому, глобальная идентификация может выполнять защитные функции, повышая самооценку членов социальной группы. Если результаты межгруппового сравнения оказываются не в пользу гражданского или этнического сообщества, то интеллектуальные и политические лидеры могут попытаться восстановить позитивную групповую идентичность за счет утверждения региональных или даже геополитических амбиций.

Глобальная идентичность может быть проявлением определенной нравственной позиции. На этот вывод наталкивают исследования среди людей, спасавших евреев от геноцида в нацистской Германии и в других странах во время Второй мировой войны (Oliner, Oliner, 1988; Monroe, 1996). Любопытно, что идентификация себя с человечеством прямо связана с уровнем моральной зрелости, но не обнаруживает связей с характером воспитания в семье. При этом большинство из участников исследований признают, что нравственно зрелая личность должна связывать себя с человечеством, даже если сами они себя таковыми не считают (McFarland et al., 2013). По-видимому, в формировании глобальной идентичности важную роль играют когнитивные процессы, в том числе эффект прототипа, на основе которого строится представление о всем человечестве. Проведенные недавно исследования показывают, что даже при наличии социального представления о человечестве как едином целом, мы сравниваем другие народы с прототипом «человека», близким к своей этнической группе. Например, немцы и греки, представляя себе человечество, склонны думать о европейцах, а не о жителях Африки или Азии. Этот неосознаваемый этноцентризм в представлениях о человечестве влияет на готовность жертвовать чем-либо для представителей других стран и на оценку справедливости неравенства между странами в современном мире (Reese et al., 2016).

Глобализация оказывает противоречивое воздействие на космополитические взгляды граждан: иммиграционные потоки и воздействие глобальных финансовых решений на национальные экономики приводят к тому, что граждане наиболее глобализированных стран чувствуют себя заложниками глобализации. Так, данные Евробарометра указывают, что в европейских странах уровень глобализации положительно коррелирует с коммуитаристскими, часто националистическими, установками, и негативно связан с распространением космополитических взглядов среди населения (Teneu et al., 2013). Парадоксально, но космополитическая ориентация как принятие культурных различий более распространена в глобализованных странах, тогда как космополитическая идентичность как переживание своей принадлежности к человеческому роду более характерна для экономически менее развитых регионов (Pichler, 2012).

Как показал опрос, проведенный в декабре 2015 – апреле 2016 гг. агентством GlobeScan по заказу BBC, число жителей земного шара, считающих себя гражданами мира, растет (Grimley, 2016). Исследование, в ходе которого было опрошено 20 тыс. человек в 18 странах, впервые показало перевес глобальной идентификации (51% опрошенных) над национальной (43%). Рост числа «граждан мира» происходит в основном за счет развивающихся стран: так, в Нигерии 73% респондентов согласились с утверждением «Я считаю себя больше гражданином мира, чем гражданином своей страны» (на 13% больше, чем в 2015 г.), в Китае – 71% (прирост на 14%), в Перу – 70% (прирост на 27%), а в Индии – 67% (прирост на 13%). Наоборот, число «граждан мира» в развитых странах сокращается. В Канаде гражданами мира себя считают 54% опрошенных, в Великобритании – 47%, в США – 43%, а в Германии – лишь 30%. В России число «граждан мира» составило 24%. Данные по 14 странам, в которых такой опрос проводится регулярно с 2001 по 2016 гг., показывают, что рост глобальной идентификации в развивающихся странах и ее снижение в

развитых – устойчивые тенденции последних 6 лет. По-видимому, это может быть связано с двумя основными факторами. В развивающихся странах глобальная идентификация может опираться на растущую включенность в мировую экономику, доступ к информационным ресурсам и мобильность населения. В индустриально развитых странах рост националистических настроений и ослабление глобальной идентификации могут объясняться увеличением потока мигрантов из стран третьего мира и обострением внутренних экономических проблем.

С социально-психологической точки зрения, важно учитывать расхождения между когнитивной и эмоциональной составляющими глобальной идентичности. Наше представление о себе как части человечества и эмоциональная значимость этого факта – далеко не одно и то же (Reese et al., 2015). Участникам опроса GlobeScan задавали вопрос о том, какое основание их самоидентификации для них наиболее важно: национальное гражданство, мировое гражданство, локальное сообщество, религия, расовая или культурная принадлежность. Оказалось, что принадлежность к человечеству наиболее значимым основанием для самоидентификации считают лишь 17% всей выборки (Globalcitizenship..., 2016). Наиболее высоким этот показатель был в Испании (54%), Франции и Австралии (по 31%); наиболее низким он оказался в Индии (6%), России (4%) и Пакистане (2%). Можно предположить, что эмоциональная компонента глобальной идентичности будет существенно меняться по мере того, как жители земного шара будут все больше и больше чувствовать последствия глобальных климатических изменений. Эти изменения будут носить разнонаправленный характер в зависимости от того, какие функции при совладании с глобальными угрозами будут выполнять другие основания социальной идентификации – этническая, религиозная и гражданская.

К настоящему времени предложено несколько методик для измерения космополитизма (Sampson, Smith, 1957; Hett, 1993; Dye, 1963; Earle,

Cvetchkovich, 1997; Riefler, Diamantopoulos, 2009; Lawrence, 2012; Saran, Kalliny, 2012; Cleveland et al., 2014) и глобальной идентичности (Der-Karabetian, Ruiz, 1997; Malsch, 2005; Malsch, Omoto, 2007; Buchan et al., 2011; McFarland et al., 2012; Reese et al., 2014; Reysen, Katzarska-Miller, 2013; Hackett et al., 2015). Выявлена связь глобальной идентичности с рядом личностных характеристик (низкий авторитаризм правого толка, низкий этноцентризм, высокая кросс-культурная компетентность, низкая ориентация на доминирование в межличностных отношениях, высокая открытость к новому, доброжелательность, невротизм и др.). Эти связи могут различаться в зависимости от группы респондентов. Так, например, у пожилых волонтеров глобальная идентификация может переживаться как чувство ответственности за человечество и тесно связана с религиозностью (Pozzi et al., 2014), хотя в большинстве исследований, проведенных на других выборках, связь глобальной идентичности с религиозностью или религиозным консерватизмом не наблюдается (McFarland et al., 2013).

Вместе с тем, до сих пор не решен вопрос о том, как формирование глобальной идентичности связано с другими социально-психологическими характеристиками, другими компонентами социальной идентичности личности, особенностями социализации, коллективной памятью и представлениями о будущем (McFarland, Hornsby, 2015).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

С целью изучения социально-психологических детерминант глобальной идентификации нами были проведены три эмпирических исследования.

Участниками первого исследования стали студенты психологических факультетов московских ВУЗов (N=454; 73,6% – женщины, 26,4% – мужчины;

средний возраст 23,1 год). Программа исследования включала «Стенфордский опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (ZTPI), «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна, опросник «Социальные аксиомы» Д. Бонда и К. Леонга (SAS), Шкалу базового доверия Л. Хаффа и Л. Келли, методику «Базовые представления личности» Р. Янов-Бульман (WAS). Для измерения озабоченности глобальными рисками использовалась шкала, основанная на перечне 29 глобальных рисков (GlobalRisksReport, 2016), тревогу в отношении которых предлагалось измерить по 5-балльной шкале Лайкерта (N=678; $\alpha=0,926$, M=3,27; SD=0,707). Анкета предлагалась респондентам в сокращенной и полной версиях, поэтому по некоторым шкалам число опрошенных варьировало от 177 до 454.

Для измерения силы идентификации с человечеством мы нами была использована методика «Идентификация с человечеством» (IWAN) С. МакФарленда. Она состоит из 9 пунктов, в каждом из которых предлагается оценить по шкале от 1 до 5, насколько предложенное высказывание соответствует отношению респондентов к 1) своему ближайшему окружению, 2) гражданам их страны и 3) человечеству в целом. Данная методика состоит из двух субшкал. Первая представляет собой собственно когнитивный аспект идентичности, измеряя идентификацию с человечеством (4 пункта, например, «Как часто Вы используете слово «МЫ» применительно к людям, живущим на планете?»). Вторая измеряет эмоциональную вовлеченность, готовность помогать жителям планеты (4 пункта, например, «Насколько Вы переживаете (бываете огорчены, стремитесь помочь), если с этими людьми происходит что-то плохое?»). Шкала показала высокую пригодность (N=358; Альфа Кронбаха 0,884; M=2,75; SD=0,784).

Еще одна использованная нами шкала, измеряющая силу идентификации с человечеством, «Глобальная идентичность» А. Дер-Карabetяна и И. Руиз (GI), включает в себя 7 утверждений, степень согласия с которыми предлагается

оценить по 6-балльной шкале от 1 «совершенно не согласен» до 6 «полностью согласен» (Der-Karabetian, Ruiz, 1997). Примеры утверждений, входящих в шкалу: «Я чувствую себя связанным с другими людьми на земном шаре, словно они являются частью моей семьи», «Я думаю о себе как о гражданине мира», «Я чувствую, что моя судьба связана с будущим остального человечества» и др. Шкала показала хорошую пригодность (N=325; Альфа Кронбаха 0,773; M=3,05; S =0,999).

Наконец, третья использованная нами методика «Глобальная социальная идентификация» (Reese et al., 2014) состоит из 5 утверждений, согласие с которыми предлагается оценить по 5-балльной шкале. Примеры утверждений, входящих в шкалу: «Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством», «Я чувствую себя тесно связанным с другими людьми, живущими на планете» и др. Шкала показала высокую пригодность (N=203; Альфа Кронбаха 0,900; M=2,5; SD=0,969).

Как показал линейный регрессионный анализ методом обратных шагов (табл. 1-3), глобальная идентичность связана с позитивными базовыми убеждениями личности (убеждение в доброте людей, в неслучайности происходящего в мире), озабоченностью глобальными рисками, религиозностью, убеждением в способности определять свою судьбу, а также ориентацией на гедонистическое настоящее, предполагающей общение с друзьями. Также была выявлена отрицательная связь глобальной идентичности с позитивным прошлым.

Таблица 1. Личностные детерминанты глобальной идентификации по шкале «Глобальная идентичность» А. Дер-Карабетяна и И. Руиз (N=177).

Предикторы	B	SE	Beta	t	p
Доброта людей (WAS)	0,288	0,086	0,259	3,356	0,001
Гедонистическое настоящее (ZTPI)	0,188	0,093	0,143	2,01	0,046
Позитивное прошлое (ZTPI)	-0,161	0,095	-0,127	-1,699	0,091
Озабоченность глобальными рисками	0,269	0,1	0,187	2,685	0,008
Религиозность (SAS)	0,154	0,072	0,159	2,148	0,033

Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование

Т.А. Нестик

$R=0,405$; $R^2=0,164$; $F=8,43$ при $p \leq 0,001$

Таблица 2. Личностные детерминанты глобальной идентификации по шкале «Идентификация с человечеством» (IWАН)» (N=177).

Предикторы	B	SE	Beta	t	p
Доброта людей (WAS)	0,228	0,055	0,290	4,189	<0,001
Гедонистическое настоящее (ZTPI)	0,182	0,06	0,196	3,015	0,003
Озабоченность глобальными рисками	0,151	0,069	0,147	2,184	0,03
Религиозность (SAS)	0,152	0,048	0,220	3,182	0,002
Зависимость от судьбы (SAS)	-0,166	0,06	-0,185	-2,746	0,007

$R=0,539$; $R^2=0,290$; $F=13,97$ при $p \leq 0,001$

Таблица 3. Личностные детерминанты глобальной идентификации по шкале «Глобальная социальная идентификация (GSI)» (N=177).

Предикторы	B	SE	Beta	t	p
Доброта людей (WAS)	0,2	0,046	0,290	4,391	<0,001
Степень удачи, или везения (WAS)	0,127	0,045	0,185	2,81	0,006
Неслучайность происходящего в мире (WAS)	0,152	0,045	0,226	3,374	0,001
Гедонистическое настоящее (ZTPI)	0,144	0,054	0,177	2,68	0,008

$R=0,551$; $R^2=0,303$; $F=14,79$ при $p \leq 0,001$

Полученные нами данные указывают на то, что переживание человеком своей принадлежности к человечеству тесно связано с базовым доверием к людям, оценкой осмысленности своей жизни (см. также: Доверие и недоверие..., 2013).

Для измерения характеристик социальной идентичности, которые могут влиять на готовность отождествлять себя с человечеством, нами была использована методика «Структура идентичности» (Даудрих, 2000): респондентам предлагалось оценить, насколько часто в своей обычной жизни они чувствуют общность своих интересов и взглядов с различными категориями людей. Регрессионный анализ методом обратных шагов ($R=0,699$; $R^2=0,489$; $F=25,42$ при $p \leq 0,001$) показал, что готовность отождествлять себя с человечеством определяется в первую очередь гражданской, культурной (россияне, европейцы), а также религиозной идентичностью. Этническая

Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование

Т.А. Нестик

идентификация, наоборот, ослабляет глобальную идентичность (см. табл. 4). При этом глобальная идентичность, а также отождествление себя с друзьями, являются предикторами убеждения в благосклонности мира ($R=0,432$; $R^2=0,186$; $F=6,46$ при $p \leq 0,001$; $b=0,200$ и $b=0,207$), тогда как убеждение в собственной ценности и способности контролировать события определяется отождествлением себя с семьей, коллегами, европейцами, а также негативно связано с этнической идентичностью ($R=0,495$; $R^2=0,245$; $F=6,77$ при $p \leq 0,001$; соответственно, $b=0,358$, $b=0,208$, $b=0,219$, а также $b=-0,213$).

Из полученных данных можно сделать вывод о том, что глобальная идентификация поддерживает позитивные установки в отношении окружающего мира, является одним из механизмов конструктивного совладания с изменениями и неопределенностью (подробнее см.: Психология повседневного..., 2016; Совладающее поведение..., 2008; Стресс, выгорание, совладание..., 2011).

Таблица 4. Характеристики социальной идентичности, связанные с глобальной идентификацией (N=194).

Предикторы	B	SE	Beta	t	p
Соседями	0,201	0,079	0,157	2,562	0,011
Единомышленниками	0,128	0,064	0,115	2,008	0,046
Людьми Вашей национальности	-0,18	0,074	-0,176	-2,44	0,016
Людьми Вашей религии	0,155	0,058	0,175	2,689	0,008
Россиянами	0,315	0,08	0,311	3,944	<0,001
Европейцами	0,234	0,077	0,231	3,052	0,003
Горожанами	0,138	0,07	0,137	1,969	0,05

$R=0,699$; $R^2=0,489$; $F=25,42$ при $p \leq 0,001$

Второе исследование было проведено совместно с Д.А. Багдасаряном среди руководителей российских IT-компаний (N=60; 70% – женщины, 30% – мужчины; средний возраст 32,5 года). Для измерения глобальной идентичности использовалась методика «Глобальная идентичность» (Der-Karabetian, Ruiz, 1997). Также участникам исследования предлагалось оценить, насколько часто они совершают зарубежные поездки. Были обнаружены значимые различия в

выраженности глобальной идентичности между руководителями, часто посещающими другие страны, и руководителями, которые посещали другие страны редко, лишь однажды или никогда не были за рубежом (см. табл. 5). Полученный результат указывает на то, что интенсивность международных контактов повышает готовность личности идентифицировать себя с гражданами мира и оценку возможности влиять своими поступками на жизнь жителей других стран.

Таблица 5. Глобальная идентичность в зависимости от частоты зарубежных поездок (N=60, приводятся средние значения по 6-балльной шкале).

Утверждения шкалы «Глобальная идентичность» (Der-Karabetian, Ruiz, 1997)	Менеджеры, часто бывающие за рубежом (N=34)	Менеджеры, редко бывающие за рубежом (N=26)	Значимость различий по тесту Манна – Уитни
1. Мне кажется, что весь мир – одна большая деревня.	3,12	3,50	0,271
2. Мне кажется, что мои личные поступки могут повлиять на кого-то, кто живет в другой части земного шара.	2,58	3,35	0,043
3. Когда я задумываюсь о людях из других стран, мне кажется, что мы с ними как будто «соседи по лестничной площадке».	2,81	3,26	0,130
4. Я чувствую себя связанным с другими людьми на земном шаре, словно они являются частью моей семьи.	2,23	2,74	0,189
5. Мне кажется, что у людей из разных стран больше сходства, чем различий.	3,69	4,18	0,130
6. Я думаю о себе как о гражданине мира.	3,04	4,44	<0,001
7. Я чувствую, что моя судьба связана с будущим остального человечества.	3,50	3,56	0,903
Интегральные значения по шкале «Глобальная идентичность» (Der-Karabetian, Ruiz, 1997)	3,58	2,99	0,015

Третье исследование проводилось совместно с А.Л. Силингом при поддержке Агентства стратегических инициатив среди участников форсайт-навигации 2017 г. в г. Санкт-Петербурге, Тамбовской области, Ставропольском крае, Ивановской области, Иркутской области, г. Перми (N=560; мужчины – 54%, женщины – 46%, средний возраст – 37,2, от 15 до 69 лет). Проект

реализовывался в нескольких регионах с применением одной и той же технологии групповой работы – «Рапид-форсайт». Он предполагал обсуждение будущего различных отраслей экономики России на перспективу до 2035 года с последующей разработкой совместных проектов. Одна из целей исследования состояла в том, чтобы прояснить, как обсуждение совместного будущего влияет на глобальную идентичность. Для измерения выраженности глобальной идентичности нами использовалась шкала «Мировое гражданство» (McFarland et al., 2013) из 2 утверждений («Я считаю себя гражданином мира» и «Я чувствую себя тесно связанным с другими людьми, живущими на планете»), согласие с которыми предлагалось оценить от 1 балла – «совершенно не согласен» до 5 баллов – «совершенно согласен» (N=96; $\alpha=0,770$; M=3,51; SD=1,136). Для измерения выраженности гражданской идентичности участникам предлагалось оценить свое согласие с утверждениями «Я горжусь тем, что являюсь гражданином России» и «Моя судьба тесно связана с будущим России» (N=96; $\alpha=0,873$; M=4,44; SD=0,791). Для измерения социального доверия использовались шкалы генерализованного доверия, внутригруппового и межгруппового доверия из опросника WorldValuesSurvey (Crepaz et al., 2014). Для измерения социального капитала использовались шкалы объема социального капитала и радиуса влияния из Евробарометра (Вахштайн и др., 2017). Для измерения временной перспективы личности использовалась сокращенная версия «Стенфордского опросника временной перспективы» Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и О.В. Митиной (ZTPI). Для измерения отношения к будущему - семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена в модификации Т.А. Нестика (Нестик, 2015; $\alpha>0,8$), а также «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна (Нестик, 2015; $\alpha>0,8$). Анкету предлагалось заполнить до и после форсайт-флота, однако не все респонденты приняли участие в обоих этапах анкетирования.

До обсуждения совместного будущего наиболее весомыми детерминантами глобальной идентичности были генерализованное доверие к людям и чувство ответственности за то, что происходит в мире. В число предикторов вошла также ориентация на негативное прошлое и гедонистическое настоящее (см. табл. 6.1.). После форсайт-флота глобальную идентичность респондентов определяло уже не генерализованное, а внутригрупповое доверие, а также ряд других предикторов, не проявившихся ранее: чувство ответственности за то, что происходит в своем городе, и оценка своей способности влиять на ближайшее будущее (см. табл. 6.2).

Гражданская идентичность входила в число детерминант как до форсайт-флота, так и после него. Вместе с тем, оказалось, что после участия в форсайт-флоте глобальная идентичность тем сильнее, чем меньше чувство ответственности за происходящее в России. По-видимому, в ходе обсуждения долгосрочного будущего у некоторых участников нашего исследования позитивная оценка принадлежности к россиянам оказалась сопряжена с низкой оценкой возможности повлиять на происходящее в стране. Произойти это могло в связи с тем, что в ходе конструирования отдаленного будущего участники, работая в командах, ставили перед собой амбициозные цели, разрабатывали проекты технологических и социальных изменений, к реализации которых российское общество пока не готово. Осмысление разрыва между ожиданиями участников инновационных проектов и сложившейся в стране инфраструктурой, особенностями российского менталитета могло привести к фрустрации и потребности в защите позитивной идентичности. Наши данные позволяют сделать предположение о том, что глобальная идентификация может выполнять функцию компенсаторного механизма: неудовлетворенность собственным прошлым и невозможностью повлиять на ситуацию в стране компенсируются осознанием причастности к глобальным изменениям без утраты гражданской идентичности. Но, по-видимому, данный механизм реализуется только в том

Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование

Т.А. Нестик

случае, если личность доверяет людям и ориентирована на расширение своей персональной социальной сети. Остается открытым вопрос о том, насколько данный компенсаторный механизм эффективен для российских инновационных сообществ и не провоцирует ли он «диссидентский» и «эмигрантский» типы патриотизма (Юревич, Журавлев, 2016; Халий, 2017).

На наш взгляд, эти данные указывают на то, что глобальная идентификация может выполнять функцию компенсаторного механизма: неудовлетворенность собственным прошлым и невозможность повлиять на ситуацию в стране компенсируются осознанием причастности к глобальным изменениям. Но, по-видимому, данный механизм реализуется только в том случае, если личность доверяет людям и ориентирована на расширение своей персональной социальной сети.

Таблица 6.1. Предикторы глобальной идентификации до форсайт-флота (N=388).

Предикторы	B	SE	Beta	t	p
Негативное прошлое (ZTPI)	0,146	0,057	0,129	2,572	0,011
Гедонистическое настоящее (ZTPI)	0,236	0,066	0,180	3,597	<0,001
Генерализованное доверие к людям	0,195	0,056	0,174	3,494	0,001
Гражданская идентичность	0,106	0,059	0,090	1,803	0,072
Чувство ответственности за то, что происходит в мире	0,242	0,041	0,292	5,897	<0,001

R=0,435; R²=0,189; F=15,61 при p≤0,001

Таблица 6.2. Предикторы глобальной идентификации после форсайт-флота (N=297).

Предикторы	B	SE	Beta	t	p
Гедонистическое настоящее (ZTPI)	0,217	0,07	0,157	3,117	0,002
Доверие к сообществу форсайт-флота	0,155	0,074	0,108	2,1	0,037
Гражданская идентичность	0,134	0,073	0,101	1,84	0,067
Оценка своей способности влиять на ближайшее будущее (через 1 год)	0,075	0,031	0,125	2,415	0,016
Чувство ответственности за то, что происходит в мире	0,337	0,06	0,398	5,593	<0,001
Чувство ответственности за то, что происходит в России	-0,19	0,087	-0,191	-2,197	0,029

Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование

Т.А. Нестик

Чувство ответственности за то, что происходит в своем городе	0,313	0,078	0,280	4,006	<0,001
--	-------	-------	-------	-------	--------

$R=0,624$; $R^2=0,389$; $F=23,76$ при $p \leq 0,001$

Среди участников исследования 146 респондентов (мужчины – 50,3%, женщины – 49,7%, средний возраст – 37,9, от 15 до 68 лет) заполнили анкету дважды – в начале и в конце форсайт-флота. Анализ значимых различий показал, что гражданская идентичность не изменилась, тогда как социальное доверие и глобальная идентификация выросли (см. табл. 7). Кроме того, после форсайт-флота корреляционный анализ выявил связь глобальной идентичности с позитивной оценкой будущего через 1 год, 5 лет и 20 лет (соответственно, $r=0,192$ при $p \leq 0,05$; $r=0,188$ при $p \leq 0,05$; $r=0,298$ при $p \leq 0,01$). При этом до форсайт-флота значимых связей между глобальной идентичностью и оценкой будущего не было выявлено. Чем более позитивно респонденты оценивали будущее, тем более непредсказуемым оно им представлялось через 5 лет ($R^2=0,683$; $F=66,275$, $p \leq 0,001$; $b=-0,813$) и через 20 лет ($R^2=0,731$; $F=112,422$, $p \leq 0,001$; $b=-0,889$).

Таблица 7. Изменение социально-психологических характеристик в ходе обсуждения будущего России (N=146).

Социально-психологические характеристики	Средние значения по 5-балльной шкале		Значимость различий по критерию Уилкоксона
	До форсайт-флота	После форсайт-флота	
Внутригрупповое доверие	3,9	4,0	0,006
Аутгрупповое доверие	3,1	3,2	0,02
Доверие к сообществу форсайт-флота	3,8	4,1	<0,001
Генерализованное доверие к людям	3,2	3,2	0,889
Глобальная идентичность	3,7	3,9	0,024
Гражданская идентичность	4,5	4,5	0,559

Структурированное коллективное обсуждение будущего на форсайт-сессии с социально-психологической точки зрения представляет собой перспективную групповую рефлексивную и коллективное целеполагание (Нестик, 2016а, Нестик, Журавлев, 2012). Полученные данные позволяют предполагать,

что обсуждение долгосрочного будущего, при условии наличия внутригруппового и межгруппового доверия, усиливает глобальную идентичность, одновременно повышая толерантность к неопределенности будущего.

Выявленная нами устойчивая связь глобальной идентичности с гражданской идентификацией хорошо согласуется с результатами другого исследования (N=91), проведенного под нашим руководством Е.В. Волошиной с использованием шкалы «Идентификация с человечеством» (IWAH) и методики «Типы глобальной идентичности» (Солдатова, 1998). Данные исследования показали, то глобальная идентичность прямо связана с выраженностью позитивной этнической идентичности ($r=0,272$ при $p \leq 0,01$), тогда как значимых связей с этнической индифферентностью и этнонигилизмом не было выявлено. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что глобальная идентификация совсем не обязательно связана с чувством «безродности», пренебрежением к Родине и своему народу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Отождествление личностью себя с человечеством рассматривается в социальной психологии как глобальная идентификация, мировое гражданство, космополитизм, глобальное мировоззрение. Учитывая негативные коннотации, связанные в отечественной традиции с понятиями «мировое гражданство» и «космополитизм», мы предлагаем в дальнейшем использовать термин «глобальная идентичность». Среди ключевых механизмов формирования глобальной идентичности можно выделить конструирование коллективной памяти и коллективного образа будущего (в том числе под влиянием глобальных медиа), формирование кросс-культурной компетентности и участие в деятельности глобальных интернет-сообществ, групповую рефлекссию, а также механизмы защиты позитивной идентичности.

Проведенная нами серия эмпирических исследований позволяет сделать ряд выводов. Глобальная идентификация связана с позитивными установками личности в отношении окружающего мира, является одним из механизмов конструктивного совладания с изменениями и неопределенностью. На выраженность глобальной идентичности влияют интенсивность международных контактов, гражданская и религиозная идентификация, озабоченность глобальными рисками, уровень социального доверия, характеристики временной перспективы, убеждение личности в способности влиять на свое будущее. Глобальная идентификация не противоречит патриотизму: переживание личностью своей принадлежности к россиянам и гордость за свою страну являются предикторами готовности отождествлять себя с человечеством. Кроме того, выявлена связь глобальной идентичности с позитивной этнической идентичностью, тогда как связи с этнонигилизмом и этноиндифферентностью отсутствуют.

Наши исследования также дают основания полагать, что в ряде случаев глобальная идентификация может выполнять функцию компенсаторного механизма, защищающего позитивную идентичность личности при негативной оценке собственного прошлого и неверии в возможность повлиять на происходящее в стране. Условием реализации данного механизма являются наличие генерализованного доверия людям, а также внутригруппового доверия при совместной деятельности.

Глобальная идентичность может играть как позитивную, так и негативную роль в отношении жизнеспособности крупных социальных групп. С одной стороны, полученные нами ранее данные показывают, что чем шире социальные категории, с которыми идентифицируют себя респонденты, – россияне, европейцы, человечество, тем дальше в будущее своей страны они готовы заглядывать, тем более выражены их просоциальные установки и больше объем социального капитала (Нестик, 2014; Нестик, 2015; Нестик, 2016б). С другой

стороны, определенные типы глобальной идентичности (о возможных типах подробнее будет сказано ниже) могут быть связаны с безразличным или критическим отношением к своей Родине.

Нельзя не согласиться с позицией ряда авторов о том, что формирование космополитических установок может целенаправленно использоваться в ходе психологической войны для ослабления суверенитета и жизнеспособности нации (Гостев, 2012; Гостев, 2017; Ковалева, Соснин, 2017; Кольцова, Журавлев, 2017; Семенов, 2017). Очевидно, что патриотические чувства тоже могут эксплуатироваться национальными политическими и экономическими элитами в целях манипуляции массовым сознанием в эпоху глобализации (Левашов, 2005; Магарил, 2016; Селиверстова, Курганская, 2017).

В заключение хотелось бы отметить четыре перспективных направления социально-психологических исследований глобальной идентификации, которые становятся все более актуальными в связи с обострением глобальных рисков.

Во-первых, необходимы дальнейшие исследования для выявления компонентов глобальной идентичности и разработки ее типологии. Необходимо уточнение аффективного, когнитивного и поведенческого компонентов глобальной идентичности. Среди аффективных компонентов особого внимания заслуживает чувство сострадания личности в отношении других людей, живущих в других странах. Наши исследования показывают, что именно такое сострадание сильнее всего связано с готовностью предпринимать конкретные шаги для предотвращения глобальных рисков (Нестик, Журавлев, 2017).

Подобно тому, как существуют разные типы патриотизма (Юревич, Журавлев, 2016; Халий, 2017), существуют и разные типы глобальной идентичности, которые могут иметь разные источники формирования, быть по-разному связанными с чувствами в отношении своей Родины, выполнять разные психологические функции. Основанием для отождествления себя с человечеством могут служить профессиональные, религиозные и политические

ценности. Например, можно выделить интеллектуальный тип, характерный для части научного сообщества, идентифицирующих себя не только с россиянами, но и с человечеством в целом – через принадлежность к глобальной науке. Можно говорить о существовании религиозного типа глобальной идентичности, основанного на представлениях о судьбе человечества в мировых религиях. Примерами политического типа могут служить глобальные сетевые сообщества, отстаивающие права человека, а также «зеленые» движения, защищающие природу Земли. Кроме того, основанием для типологии глобальной идентичности может быть ее связь с отношением личности к Родине и к своей этнической группе. С этой точки зрения можно выделить «потребительский» тип (идентификация с человечеством сопровождается обесцениванием принадлежности к гражданам определенного государства и национальности), «патриотический» тип (забота о планете и будущих поколениях людей опирается на чувство гордости за свою страну, высокую оценку ее вклада в историю человечества), «националистический» тип (отождествление себя с человечеством при убеждении в избранности, уникальности или даже лидирующей роли своего народа в будущем человеческого рода). Наконец, возможным критерием для выделения типов глобальной идентичности могут быть характеристики ее когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов. С когнитивной точки зрения, можно выделить ретроспективную глобальную идентичность, опирающуюся на представления об эволюционно-генетической общности людей на планете, или проспективную идентичность, опирающуюся на представления об общности будущего человечества – от оптимистических картин космической экспансии до апокалиптических образов гибели человеческого рода. С аффективной точки зрения, можно выделить позитивную глобальную идентичность, амбивалентную и негативную, – в последнем случае принадлежность к человечеству может вызывать стыд и даже отвращение (вспомним об экологических террористах, готовых уничтожить

человечество ради будущего Земли). С точки зрения поведения, можно выделить такие крайние варианты, как «латентная» глобальная идентификация (признание общечеловеческих ценностей в межличностном взаимодействии) и «алармистская» (участие в антивоенных демонстрациях и митингах от имени человечества).

Во-вторых, требует специального изучения связь глобальной идентификации и предпочитаемых способов реагирования на глобальные риски. Исследования в области социальной психологии риска показывают, что представления о риске выполняют функцию защиты позитивной групповой идентичности. Социальные представления о рисках конструируются в ходе межличностного и межгруппового взаимодействия (Joffe, 2003; Бовина, 2011; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017). Ключевую роль в их формировании играет стремление личности символически дистанцироваться от опасности, относя ее к внешним по отношению к своей группе силам, приписывая источник риска или его последствия не своей, а чужой группе. Иными словами, коллективный образ будущего в значительной степени определяется степенью напряженности межгрупповых отношений и значимыми группами сравнения: представляя будущее, мы конструируем отличия своей группы от других (Солдатова, Нестик, 2011). В этой связи можно предположить, что глобальная идентификация, будучи сопряжена с разными характеристиками этнической и гражданской идентичности, может по-разному сказываться на отношении к глобальным рискам. Например, высокая значимость глобальных рисков может быть связана с готовностью решать их в ущерб другим государствам и этническим группам. Это особенно вероятно в случае, если та или иная страна рассматривается как источник ядерной, биологической или террористической угрозы для всего мира (Журавлев и др., 2016; Нестик, 2016б).

Во-третьих, остается открытым вопрос о том можно ли считать участников глобальных интернет-сообществ коллективным психологическим субъектом

(Журавлев, 2002; Журавлев, Нестик, 2016б)? В какой степени к глобальным коллективным субъектам применимы выявленные при исследовании локальных групп ролевая структура, психологические механизмы групповой динамики и стадии развития?

В-четвертых, огромное значение для понимания механизмов формирования глобальной идентичности имеет вопрос о том, как формируются глобальная коллективная память и образы глобального будущего (Нестик, 2014).

Наконец, открытым остается вопрос о том, можно ли формировать глобальную идентификацию целенаправленно? Существующая научная литература не дает однозначного ответа на этот вопрос. Так, опираясь на теорию М. Шерифа о суперординантной цели в межгрупповых отношениях, А. Дер-Карabetян предлагает «алармистский» путь развития глобальной идентификации через повышение осознанности глобальных угроз жителями планеты (Der-Karabetian, Michelle, 2015). Другие исследователи, в частности С. МакФарленд, считают, что глобальную идентичность можно развивать с помощью примеров высоконравственного, иногда героического поведения конкретных людей, защищающих права граждан независимо от их расовой и этнической принадлежности (McFarland et al., 2013). В противоположность алармистскому подходу, Ж. де Ривера и Х. Карсон указывают возможность празднования своего рода дней глобальной солидарности. С их точки зрения, такие праздники должны усиливать не чувства защищенности от угроз, а чувства радости, заботы людей друг о друге, личной связи между людьми (de Rivera, Carson, 2015). На наш взгляд, путь к развитию глобальной идентичности лежит не через размывание гражданской идентичности, а, напротив, через ее укрепление. Мир вступил в очередной период обострения международных отношений, ослабления ООН и борьбы геополитических блоков стран. В отдаленной перспективе маятник снова качнется в сторону глобальной интеграции, возможно, вынужденной, а не добровольной. Но если человечество

не уничтожит себя в ближайшие десятилетия, международное сотрудничество в области предотвращения глобальных рисков будет зависеть не только от позиции национальных элит, но и от поддержки этих усилий большинством избирателей. Эта поддержка может опираться на разные типы патриотизма: для одних это вызывающий гордость россицентрический мировой проект (Багдасарян, 2015), для других – забота о будущем своей малой Родины, которое зависит от международных договоренностей. Парадокс сложившейся общественно-политической ситуации состоит в том, что чувствительность к глобальным проблемам прямо зависит от преобразующего, деятельного гражданского патриотизма, готовности взять на себя ответственность за будущее своей страны и тем самым – будущее своих потомков.

Очевидно, что для развития глобальной идентификации через патриотизм практические усилия должны быть направлены на поддержку долгосрочной временной перспективы, углубление знаний об эволюции жизни на Земле, отечественной и мировой истории, глобальных угрозах для человечества, осознание того, какие из этих угроз (и как именно) сказываются на «малой Родине». Но главное внимание должно быть уделено развитию способности сопереживать другим людям – не только «ближним», но и «дальним», – а также поддержке уверенности россиян в своей способности влиять на коллективное будущее (Нестик, 2016б).

Дальнейшие исследования должны пролить свет на способы формирования и поддержания глобальной идентификации, которые не противоречили бы процессам этнической и гражданской идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багдасарян В.Э.* Национальная идентичность и проблемы нациестроительства // Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы. СПб.: Алетейя, 2015. С. 21-42.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Бовина И.Б. Риск: социально-психологический взгляд // Психология и право. 2011. № 4. С. 1-10.

Вахштайн В., Степанцов П., Чурсина Ю., Бардина С. Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. М.: МВШСЭН; РВК, 2017. [Электронный ресурс] / URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (дата обращения 01.10.2017 г.).

Гостев А.А. Патриотизм как духовно-нравственное качество личности // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М.И. Воловикова. Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 100-117.

Гостев А.А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Даудрих Н. И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология: методология, методы, математическое моделирование, 2000. № 12. С. 77-95.

Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.

Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. М.: PerSe, 2002. С. 51-81.

Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19-28.

Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Ковалева Ю.В., Журавлев А.Л. Современные глобальные вызовы и задачи глобальной психологии // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография / Под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017 (а). С. 8-14.

Ковалева Ю.В., Журавлев А.Л. Глобальная психология в условиях современных глобальных вызовов // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017 (б). С. 1830-1838.

Ковалева Ю.В., Соснин В.А. Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 119-142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (дата обращения 06.04.2017 г.).

Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5-17.

Кузнецов А.М. Глобализация или космополитизация: об одном дискурсе современной западноевропейской социологии // Социологические исследования. 2014. № 12 (368). С. 12-20.

Левашов В.К. Патриотизм в условиях глобализации: о чем свидетельствуют данные социологических опросов // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. № 2. С. 99-102.

Магарил С.А. Смыслы патриотизма: исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142-151.

Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 140-152.

Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 3-13.

Нестик Т.А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: Дисс. докт. психол. наук. М.: ИП РАН, 2015.

Нестик Т.А. Корпоративный форсайт и его психологические ловушки // Бизнес-психология в международной перспективе / Отв. ред. С. Бентон, Н.Л. Иванова, В.А. Штроо. М.: Логос, 2016 (а). С. 320-342.

Нестик Т.А. Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016 (б). № 1 (50). С. 24-38.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27-37.

Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. №2. С. 48-71.

Селиверстова Н.А., Курганская М.Я. Патриотизм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 232-239.

Семенов В.Е. Российская идентичность и патриотизм в полиментальном обществе [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Том 2. № 3 (7). С. 116-142. URL: <http://soc-econom->

psychology.ru/engine/documents/document374.pdf (дата обращения 01.11.2017 г.).

Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

Солдатова Г.У., Нестик Т.А. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. №2(6). С.15-24.

Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.

Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Федотова Н.Н. Формируется ли глобальная идентичность: методологические размышления // Знание. Понимание. Умение. 2012. №4. С. 8-14.

Фрейхоф В. Космополитизм // Мир Просвещения. Исторический словарь. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 31-41.

Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 67-74.

Юревич А.В., Журавлев А.Л. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88-98.

Beck U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes // The risk society and beyond. Critical issues for social theory. Ed. by B. Adam, U. Beck and J. Loon. L.: SAGE Publications, 2005. P. 211-229.

Beck U. The Cosmopolitan Vision. Cambridge, Malden (Ma.): Polity, 2006.

Beck U. Imagined Communities of Global Risk. Lecture for the Risk Conference in Shanghai, September 2009. P. 1-18.

Bouquet C. Building global mindsets: An attention-based perspective. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2005.

Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G., Wilson R. K., Fatas E., Foddy M. Global social identity and global cooperation [Электронный ресурс] // *Psychological Science*. 2011. V. 22. P. 821-828. <http://dx.doi.org/10.1177/0956797611409590>.

Cannon H.M., Yaprak A. Will the real-world citizen please stand up! The many faces of cosmopolitan consumer behavior // *Journal of International Marketing*. 2002. V. 10. № 4. P. 30-52.

Cleveland M., Laroche M., Papadopoulos N. Cosmopolitanism, consumer ethnocentrism, and materialism: An eight-country study of antecedents and outcomes // *Journal of International Marketing*. 2009. V. 17(1). P. 116-146.

Cleveland M., Laroche M., Takahashi I., Erdogan S. Cross-linguistic validation of a unidimensional scale for cosmopolitanism // *Journal of Business Research*. 2014. V. 67. P. 268-277.

Crepaz M.M.L., Polk J.T., Bakker R.S., Singh Sh.P. Trust Matters: The Impact of Ingroup and Outgroup Trust on Nativism and Civicness // *Social science quarterly*. 2014. V. 95. N. 4. P. 938-959. DOI: 10.1111/ssqu.12082.

Cseh M., Davis E.B., KhiljiSh. E. Developing a global mindset: learning of global leaders // *European Journal of Training & Development*. 2013. V. 37. № 5. P. 489-499.

de Rivera J., Carson H.A. Cultivating a Global Identity // *Journal of Social and Political Psychology*. 2015. V. 3(2). P. 310-330, doi:10.5964/jspp.v3i2.507

Delanty G., He B. Cosmopolitan Perspectives on European and Asian Transnationalism // *International Sociology*. 2008. V. 23. № 3. P. 323-344.

Der-Karabetian A. World-mindedness and the nuclear threat: A multinational study // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1992. V. 7. P. 293-308.

Der-Karabetian A., Ruiz Y. Affective bicultural and global-human identity scales for Mexican-American adolescents // *Psychological Reports*. 1997. V. 80. P. 1027-1039.

Der-Karabetian A., Michelle A. Psychological Predictors of Sustainable Behavior in College Samples From the United States, Brazil and the Netherlands // *American International Journal of Social Science*. 2015. V. 4. № 6. P. 29-39.

Dower N., Williams J. Global citizenship. A critical introduction. N.Y.: Routledge, 2002.

Dye T.R. The local–cosmopolitan dimension and the study of urban politics // *Social Forces*. 1963. V. 41. P. 239-246.

Earle T.C., Cvetchkovich G. Culture, cosmopolitanism, and risk management // *Risk Analysis*. 1997. V.17(1). P. 55-65.

Ellermann H., Glowsky D., Kromeier K.-U., Andorfer V. How Global are Our Memories? An Empirical Approach using an Online Survey // Paper presented at the annual meeting of the American Sociological Association, TBA, N.Y. Aug. 11, 2007. P. 1-20.

Falk R. The Making of Global Citizenship // *The Condition of Citizenship*. Ed. by B. van Steenbergen. L.: Sage Publications, 1994. P. 127-140.

Fincher R. Cosmopolitan or ethnically identified selves? Institutional expectations and the negotiated identities of international students // *Social & Cultural Geography*. 2011. V. 12. № 8.

Gaertner S.L., Dovidio J.F. Reducing intergroup bias: The common ingroup identity model. Philadelphia, PA: Psychology Press / Taylor&Francis, 2000.

Global Citizenship a growing sentiment among citizens of emerging economies:

Global Poll. [Электронный ресурс] / URL:

<http://www.globescan.com/images/images/pressreleases/BBC2016->

[Identity/BBC_GlobeScan_Identity_Season_Press_Release_April%2026.pdf](http://www.globescan.com/images/images/pressreleases/BBC2016-Identity/BBC_GlobeScan_Identity_Season_Press_Release_April%2026.pdf)

(дата обращения: 20.09.2017).

Global Risks Report 2016, 11th Edition. World Economic Forum, 2016.

[Электронный ресурс] / URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2016/>

(дата обращения: 20.09.2017).

Grimley N. Identity 2016: 'Global citizenship' rising, poll suggests [Электронный

ресурс] // BBC World. 28 April 2016. URL: [http://www.bbc.com/news/world-](http://www.bbc.com/news/world-36139904)

36139904 (дата обращения: 20.09.2017).

Grinstein A., Riefler P. Citizen of the (green) world? Cosmopolitan orientation and

sustainability // Journal of International Business Studies. 2015. V. 46. P. 694-

714. doi: [org/10.1057/jibs.2015.1](http://dx.doi.org/10.1057/jibs.2015.1).

Hackett J. D., Omoto A.M., Matthews M. Human rights: The role of psychological

sense of global community // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology.

2015. V. 21. P. 47–67. <http://dx.doi.org/10.1037/pac0000086>.

He B. Transnational Civil Society and the National Identity Question in East Asia //

Global Governance: A Review of Multilateralism and International

Organizations. 2004. V. 10. № 2. P. 227-246.

Helbling M., Teney C. The cosmopolitan elite in Germany: transnationalism and

postmaterialism // Global Networks. 2015. DOI: 10.1111/glob.12073.

Hett E.J. The development of an instrument to measure global-mindedness.

Unpublished doctoral dissertation, University of San Diego, 1993.

Javidan M., Bowen D. The Global Mindset: A New Source of Competitive Advantage

// Rotman Management. Spring 2015. P. 42-47.

Joffe H. Risk: From perception to social representation // British Journal of Social

Psychology, 2003, V. 42. P. 55-73.

Keck M.E., Sikkink K. Activists Beyond Borders. Ithaca, N.Y.: Cornell University

Press, 1998.

Lawrence S.J. Consumer xenocentrism and consumer cosmopolitanism: the

development and validation of scales of constructs influencing attitudes towards

foreign product consumption. Wayne State University Dissertations. Paper 606. Wayne State University, 2012.

Leung A.K.-y., Koh, K., Tam, K.-p. Being Environmentally responsible: Cosmopolitan orientation predicts pro-environment behavior // *Journal of Environmental Psychology*. 2015. V. 43. P. 79-94. doi: 10.1016/j.jemvp.2015.05.011.

Levy O., Taylor S., Boyacigiller N.A., Beechler Sh. Global Mindset: A Review and Proposed Extensions // *The Global Mindset*. Ed. by M. Javidan, R.M. Steers, M.A. Hitt. (Advances in International Management. V. 19). Amsterdam: Elsevier JAI, 2007. P. 11-47.

Liu J.H., Goldstein-Hawes R., Hilton D. Social Representations of Events and People in World History across 12 Cultures // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2005. V. 36. № 2. P. 171-191.

Malsch A. Prosocial behavior beyond borders: Understanding a psychological sense of global community. Unpublished doctoral dissertation. Claremont, CA: Claremont Graduate University, 2005.

Malsch A.M., Omoto A.M. Prosocial behavior beyond borders: Understanding a psychological sense of global community. Claremont, CA: Unpublished manuscript, Department of Psychology, Claremont Graduate University, 2007.

McFarland S., Webb M., Brown D. All humanity is my ingroup: A measure and studies of identification with all humanity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. V. 103. P.830–853. <http://dx.doi.org/10.1037/a0028724>.

McFarland S., Brown D., Webb M. Identification With All Humanity as a Moral Concept and Psychological Construct // *Current Directions in Psychological Science*. 2013. V.22 (3). P. 194-198.

McFarland S., Hornsby W. An Analysis of Five Measures of Global Human Citizenship // *European Journal of Social Psychology*. 2015. V. 45. P. 806-817.

- Mitchell K.* Educating the national citizen in neoliberal times: from the multicultural self to the strategic cosmopolitan // *Transactions of the Institute of British Geographers.* 2003. V. 28. P. 387-403.
- Mitchell K.* Geographies of identity: the intimate cosmopolitan // *Progress in Human Geography.* 2007. V. 31. P. 706-720.
- Monroe K.* The heart of altruism: Perception of a common humanity. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.
- Oliner S., Oliner P.* The altruistic personality: Rescuers of Jews in Nazi Europe. New York, NY: Free Press, 1988.
- Pichler F.* «Down-to-Earth» Cosmopolitanism: Subjective and Objective Measurements of Cosmopolitanism in Survey Research // *Current Sociology.* 2009. V. 57. № 5. P. 704-732.
- Pichler F.* Cosmopolitanism in a global perspective: An international comparison of open-minded orientations and identity in relation to globalization // *International Sociology.* 2012. V. 27. № 1. P. 21-50.
- Pozzi M., Marta E., Marzana D., Gozzolib C., Ruggieri R.A.* The Effect of the Psychological Sense of Community on the Psychological Well-Being in Older Volunteers // *Europe's Journal of Psychology.* 2014. V. 10(4). P. 598-612.
- Reese G., Proch J., Cohrs J. C.* Individual differences in responses to global inequality // *Analyses of Social Issues and Public Policy.* 2013. V. 14. P. 217-238. <http://dx.doi.org/10.1111/asap.12032>.
- Reese G., Kohlmann F.* Feeling global, acting ethically: Global identification and Fairtrade consumption // *The Journal of Social Psychology.* 2015. V. 155 (2). P. 98-106. doi:10.1080/00224545.2014.992850.
- Reese G., Proch J., Finn C.* Identification with all humanity: The role of self-investment and self-definition // *European Journal of Social Psychology.* 2015. V. 45. P. 426–440. <http://dx.doi.org/10.1002/ejsp.2102>.

- Reese G., Berthold A., Steffens M.C.* As high as it gets: Ingroup projection processes in the superordinate group humans // *International Journal of Intercultural Relations*. 2016. V. 50. P. 39-49.
- Reysen S., Katzarska-Miller I.* A model of global citizenship: Antecedents and outcomes // *International Journal of Psychology*. 2013. V. 48. P. 858-870. <http://dx.doi.org/10.1080/00207594.2012.701749>.
- Rhinesmith S.H.* Global mindsets for global managers // *Training and Development*. 1992. V. 49. № 5. P. 63-68.
- Riefler P., Diamantopoulos A.* Consumer cosmopolitanism: Review and replication of the CYMYC scale // *Journal of Business Research*. 2009. V. 62. P. 407-419.
- Sampson D., Smith H.P.* A scale to measure world-minded attitudes // *Journal of Social Psychology*. 1957. V.45. P. 99-106.
- Saran A., Kalliny M.* Cosmopolitanism: Concept and Measurement // *Journal of Global Marketing*. 2012. V. 25. № 5. P. 282-291.
- Story J.S.P., Barbuto J.E., Luthans F., Bovaird J.A.* Meeting the challenges of effective international HRM: analysis of the antecedents of global mindset // *Human Resource Management*. 2014. V. 53. № 1. P. 131-155.
- Stromquist N.P.* Theorizing Global Citizenship: Discourses, Challenges, and Implications for Education // *Interamerican Journal of Education for Democracy*. 2009. V. 2. № 1. P. 6-29.
- Teney C., Lacewell O.P., De Wilde P.* Winners and losers of globalization in Europe: attitudes and ideologies // *European Political Science Review*. 2013, November. P. 1-21.
- Tiryakian E., Beck U.* Cosmopolitanism as Imagined Communities of Global Risk// *American Behavioral Scientist*. 2011. V. 55. № 10. P. 1346-1361.
- Urry J.* *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2002.

Westjohn S.A., Arnold M.J., Magnusson P., Zdravkovic S., Zhou J.X. Technology readiness and usage: a global-identity perspective // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2009. V. 37. № 3. P. 250-265.

Zeugner-Roth K.P., Žabkar V., Diamantopoulos A. Consumer Ethnocentrism, National Identity, and Consumer Cosmopolitanism as Drivers of Consumer Behavior: A Social Identity Theory Perspective // *Journal of International Marketing*. 2015, V. 23. № 2. P. 25-54.

GLOBAL IDENTITY AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON: THEORETICAL-EMPIRICAL STUDY ***

T.A. Nestik*

*Sc.D. (psychology), head of the laboratory of social and economic psychology, Federal State-Financed Establishment of Science Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 13/1 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366; e-mail: nestik@gmail.com.

Summary. Prerequisites and mechanisms of formation of global identity – identification of the person with humanity are analyzed. Approaches to the studying of global identity considered. Components and the main competences of global outlook as well as the personal characteristics associated with it described. The results of the empirical research of global identification conducted among Russians (students of psychological faculties of the Moscow higher education institutions, N=454; heads of the IT companies, N=606; participants of the foresight-fleet in 2017 from various Russia regions, N=560) given. Shown that determinants of the global identity of the personality are the intensity of the international contacts, civil and religious identification, concern in global risks, level of social trust, the characteristic of temporary prospect, belief of the person's ability to influence the future. Communication of the global identity with positive ethnic identity whereas communications with ethnonihilism and ethnoindifference are absent also revealed. The assumption was that global

*** This research was fulfilled in accordance with the RFBR, № 15-06-10082.

identification could perform the function of the compensatory mechanism protecting positive identity of the personality at the negative assessment of own past and disbelief in an opportunity to affect the events in the country. Noted that the sense of patriotism and global identity under certain circumstances can be used for manipulation of consciousness when conducting information wars. Several psychological types of global identity are proposed. The perspective directions of further researches, including the need of specification of affective, cognitive and behavioral components of global identity, studying of communication of global identification and the preferred ways of response to global risks planned, the question of purposeful formation of global identity also left open.

Key words: global identity, globalization, global citizenship, cosmopolitanism, global risks, activism, internet communities, civil identity, patriotism, world assumptions, time perspective, social trust.